

УДК 81-19
ББК 81-7

Е. В. Шелестюк, Э. Д. Гриценко

О ФОРЕНИЗАЦИИ И ДОМЕСТИКАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ И ВОЗМОЖНОСТЯХ ИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

В статье предлагается обзор становления и развития двух противоположных концепций перевода: «очуждения» и «освоения» оригинала. На основании современных тенденций развития теории и практики перевода делается вывод о растущем понимании необходимости форенизации – точной, лишенной «сглаживания» передачи инокультурного и иноязычного текста. Кратко очерчиваются возможности лингвистической оценки степени доместикации и форенизации перевода.

Ключевые слова: *доместикация, форенизация, невидимый переводчик, видимый переводчик, доминантная культура, принимающая культура, лингвокультурный анализ перевода, степень форенизации / доместикации переведенного текста.*

Споры о стратегиях перевода велись с древнейших времен. При этом различия в культурах языка оригинала и языка перевода оказались в центре внимания мыслителей сравнительно поздно. До XVIII в. акцент в этих спорах преимущественно ставился на более очевидном, повторяющемся и не имеющем однозначного решения вопросе о том, должен ли перевод передавать форму оригинала или его смысл, а также о поиске «золотой середины» между свободным (вольным) и дословным (буквальным) переводом. Начиная с Цицерона (106–43 гг. до н. э.), Блаженного Иеронима (347–420 гг. н. э.) и других переводчиков, писателей, общественных и религиозных деятелей, дихотомия стратегий буквального перевода священных текстов и более или менее вольного перевода светских текстов была центральной темой переводоведения.

Вместе с тем явление «доместикации» (культурной адаптации, «приближения автора» к культуре языка перевода) при переводе неосознанно признавалось и использовалось с древности. Согласно Routledge Encyclopedia of Translation Studies, «доместикацией» пользовались еще со времен Древнего Рима, когда, как писал Ницше, перевод стал особой формой завоевания и осуществления власти. Писавшие на латыни поэты, такие как Гораций и Проперций, интерпретировали греческие тексты для римского читателя (цит. по: [9. С. 77]).

В XVIII–XIX вв. немецкими мыслителями были впервые очерчены понятия очуждения и культурного освоения как две противоположные стратегии при переводе. С историко-поли-

тической точки зрения этот период характеризовался распространением почвеннических настроений в Германии, с культурной – расцветом классицизма и романтизма в литературе и искусстве. Прежде всего следует упомянуть И.-В. Гете, который сформулировал два принципа перевода: один из них требует «переселения иностранного автора к читателям», так, чтобы они могли увидеть в нем соотечественника; другой требует, чтобы «читатели перевода отправились к этому чужеземцу» и применились к его условиям жизни, складу его языка, его особенностям. В переводе эти принципы могут сочетаться, когда переводчик выбирает средний путь, но каждый из них имеет свои достоинства [5]. Ф. Шлейермахер в работе «О различных методах перевода» (1813) настаивал на необходимости «отчуждения» при переводе, позволяющего узнать в тексте перевода чужое и дать читателю почувствовать данную чуждость. Шлейермахер утверждал, что переводы с разных языков на немецкий должны звучать и восприниматься по-разному. Так, в переводе с испанского должны угадываться черты испанского языка, а в переводе с греческого – черты греческого. Он считал, что если бы переводы со всех языков выглядели и звучали одинаково, своеобразие текста оригинала было бы утеряно в культуре языка перевода.

XX век, большая часть которого характеризовалась господством структурализма в языковых исследованиях, породил систематический и ориентированный на язык подход к переводоведению. При этом до 1950-х и 1960-х гг. внимание акцентировалось в основном на ос-

бенностях перевода единиц различных языковых уровней. В 1970-х гг. в переводоведении возродился интерес к культурологической составляющей переведенных текстов.

В отечественном переводоведении извечный спор решался преимущественно в пользу «золотой середины», умеренной адаптации текста оригинала. Формальный перевод воспринимался как плохой. Не обходилось без крайностей. Так, в 1930-1950-е гг. переводчиков, декларирующих принцип «точности» в переводе и стремящихся к сохранению как можно большей части особенностей текста оригинала, обвинили в буквализме. Это слово быстро получило отрицательную коннотацию, а его антонимами стали такие термины, как реалистический и адекватный перевод, которые вскоре превратились в простую положительную оценку. Реалистический подход был сформулирован М. Л. Гаспаровым следующим образом: «переводчик как будто сквозь слова подлинника видит прямо изображенную в нем действительность и воссоздает из нее то, что нам близко и дорого, с собственным творческим размахом» (цит. по: [1]).

Сторонником реалистического перевода стал видный переводчик и теоретик советской школы переводоведения И. А. Кашкин. Его критике подверглись переводчики Е. Л. Ланна и Г. А. Шенгели. Лишь недавно результаты «борьбы с буквалистами» стали переосмысляться. Так, в своей книге «Поверженные буквалисты» А. Г. Азов, оправдывая позицию необходимости «точности» при переводе, говорит о том, что под одним далеко не лестным именем «буквалисты» оказались переводчики с разными позициями. Так, Е. Ланна призывал точно воссоздавать стилистические приемы текста оригинала, в то время как Г. Шенгели говорил о сохранении всех единиц смысла оригинала [1]. Тот факт, что сегодня вновь встает вопрос о правильности принятых ранее решений, свидетельствует о том, что вечный переводческий спор далек от завершения.

За рубежом наиболее заметными фигурами в этом споре стали американские исследователи Юджин Найда, с одной стороны, и Лоуренс Венути, с другой. Найда склонялся к доместикации как доминирующей стратегии при переводе, Венути же последовательно выступал в поддержку форенизации.

Ю. Найда полагал, что для успешного перевода сосуществование двух культур в иноязычном тексте – более важный фактор, чем

сосуществование двух языков, так как слова имеют значения лишь в рамках той культуры, в которой они используются. Он выделял два типа эквивалентов, на которых основывается переводчик при выборе стратегии: формальные и динамические (функциональные). При формальной эквивалентности в центре внимания оказывается само сообщение, его форма и содержание. Для формальной эквивалентности характерно проникновение в лексическую, грамматическую и синтаксическую структуру оригинального текста, в этом смысле она схожа с буквальным переводом. Функциональная эквивалентность основывается на принципе эквивалентного эффекта, что означает, что отношение иностранного читателя к тексту должно быть максимально приближено к отношению читателя и текста оригинала. В сферах лингвистики, культурологии и перевода функциональная эквивалентность в узком смысле означает, что читатели переведенного текста должны воспринимать его настолько глубоко, что они могут представить, какой эффект этот текст может произвести на читателей оригинала.

В широком смысле функциональная эквивалентность предполагает, что читатели переведенного текста должны воспринимать текст так же, как его воспринимают читатели оригинала. Пример такого рода нам являют оригинал и переводы Библии, в этой связи функциональная эквивалентность, по Найда, основана на переводе Библии, который служит для него ориентиром. Переводоведческая работа этого ученого была направлена на специфическую цель – перевод христианского текста, призванный помочь обращению последователей других религий в христианство. Чтобы обеспечить хорошее понимание переведенного текста читателями, а также его влияние на них, строка из Библии, дословно переводимая с латыни как «не позволяй своей левой руке знать, чем занята правая рука», может быть трансформирована в «поступай таким образом, чтобы даже твой близкий друг не узнал о том, что ты делаешь». Найда отмечает, что такой перевод позволяет избежать возможного недопонимания и таким образом подчеркивает отсылку к условиям современной жизни. Здесь также следует упомянуть хорошо известные примеры Ю. Найда, который предлагал переводить выражение «белый как снег» для жителей тропиков, которые никогда не видели снега, как «белый как перо цапли»; «хлеб жизни» для мексиканских индейцев как «тортилью»; «волка» как «койота» [4; 7; 9].

Сторонники христианской Реформации, возможно, согласились бы, что такой прием может быть подходящим при переводе Библии. Однако при работе с культурными факторами других текстов функциональная эквивалентность при переводе часто неадекватна и может даже ввести читателя в заблуждение. Питер Ньюмарк полагал, что функциональная эквивалентность Найда слишком упрощает читателю задачу понимания текста, причем нецелесообразность чрезмерной доместикации касается в том числе и перевода Библии. Ньюмарк писал: «В отношении теории Найда о том, что перевод есть тип коммуникации, в которой делается акцент на понятном и удобочитаемом тексте (хотя Найда все же настаивает на том, что точность и правильность передачи информации также необходимы), стоит отметить, что опущение такого количества библейских метафор, которые, как утверждает Найда, читатель не в силах понять, влечет за собой потерю значительной части смысла» (цит. по: [9. Р. 78]).

Л. Венути впервые использовал термины *доместикация* и *форенизация*, обозначающие две основные стратегии, которыми переводчик руководствуется при решении лингвокультурологических вопросов. Согласно Венути, доместикация – это этноцентрический подход, при котором текст оригинала зачастую сокращается, акцент делается на культурных ценностях языка перевода, а «автор приближается к читателю»; форенизация – это подход, при котором акцент делается на сохранении иностранных языковых и культурных ценностей, при этом «читатель приближается к автору». В широком смысле, доместикация предполагает «прозрачный», легкий для понимания стиль, благодаря которому иностранный текст предстает перед читателем менее странным; при форенизации же текст перевода нарушает некоторые общепринятые нормы языка перевода, сохраняя черты текста оригинала [8].

Для сопротивления агрессивной одноязычной среде, каковой, по мнению Лоренса Венути, является англо-американская культура, распространяющая свое влияние на весь мир, в большей степени подходит стратегия форенизации. Венути считает, что в основе самих целей доместикации и деятельности, связанной с ней, лежит принуждение к звучанию текста в привычных для доминантной культуры словах и выражению привычных для нее представлений.

Стратегия доместикации предполагает этноцентрический подход, при котором текст

оригинала редуцируется и изменяется в угоду лингвокультуре перевода, что отражает евроцентричную и, конкретно, англоцентричную тенденцию эпохи империализма. Противоположный подход, в свою очередь, приводит к необходимости устранения сглаживания отличительных черт иностранного текста. Стратегии «сглаживающего перевода», при котором переводчик становится «невидимым», попросту опускает понятия и явления, требующие дополнительного объяснения, или же заменяя их сходными явлениями культуры языка перевода, то есть стратегии доместикации, Венути противопоставляет стратегию перевода-сопротивления – стратегию форенизации, при которой переводчик становится «видимым», поясняя и комментируя непередаваемые особенности иноязычного текста и культуры при переводе.

Форенизация предполагает выбор иноязычного текста и применение метода перевода, подчеркивающего отличительные черты культуры текста оригинала, которые отсутствуют в культуре языка перевода. В результате появляется текст, не похожий ни на текст оригинала, ни на любой другой текст на языке перевода. При методе форенизации акцент ставится на лингвокультурной ценности языка перевода, подчеркиваются языковые и культурные особенности оригинального текста, при этом читатель приближается к культуре оригинала.

Венути отмечает, что для переводчика «желательно уменьшить этноцентрическое принуждение при переводе». Метод форенизации позволяет ограничить принудительное «одомашнивание» мировых культурных ценностей англоговорящей частью мира. Таким образом, форенизация – это очуждающий перевод текста оригинала, направленный на то, чтобы подчеркнуть особенности текста оригинала, и не скрывающий «присутствие переводчика». Так будет обеспечена защита от идеологического давления культуры доминантного языка перевода.

Согласно Венути, доместикация и форенизация – это эвристические понятия. Их полюса при переводе меняются в зависимости от времени и статуса стран текстов оригинала и перевода. Однако неизменным остается тот факт, что *акцентирование или игнорирование культурных особенностей того или иного конкретного иноязычного текста обусловлены доминантностью / подчиненностью его культуры в мире на данный момент.*

Упомянем еще несколько современных подходов к стратегиям перевода. В 1970-х гг.

израильский ученый Итамар Эвен-Зохар предложил теорию полисистемы. Согласно этой теории, литературное произведение рассматривается как часть целой литературной системы, которая, в свою очередь, является совокупностью функций, находящихся в постоянном взаимодействии. Литература – это часть общественной, культурной и исторической структур, составляющих некую систему. Согласно гипотезе полисистемы, переводчики, работающие с сильной литературной полисистемой, чаще пользуются стратегией доместикации, получая в итоге крайне свободный перевод, в то время как в слабых культурах преобладает стратегия форенизации, или перевод-сопротивление (цит. по: [1. С. 78]).

Андре Лефевр подчеркивал важность языковых особенностей аудитории иностранных читателей, а также самого текста. Он считал, что нормы перевода меняются в зависимости от того исторического периода, когда выполняется перевод. Выбор стратегии перевода – доместикации или форенизации – может, в свою очередь, повлиять на общественные и культурные тенденции в обществе того или иного времени. Однако типичной, по А. Лефевру, является все же доместикация – «адаптация оригинала к конкретной идеологии или художественным вкусам аудитории». Идеология в теории А. Лефевра получает тройственное выражение: как идеологическая установка самого переводчика, которая выражается в элементе субъективности при восприятии оригинала; как идеология власти, которая реализуется в требованиях цензуры; как идеология целевой читательской аудитории, которая предопределяется идеологией власти и всем социокультурным контекстом эпохи. «Неважно, производят ли переписчики переводы, литературные рецензии или статьи в справочниках, хрестоматиях, критических очерках, они адаптируют оригинал, производят с ним манипуляции, чтобы привести его в соответствие с доминирующим дискурсом (букв. идеологическими и художественными течениями) своего времени. <...> «Интерпретирующие сообщества» <...> будут влиять на переписывание оригинала» [6. С. 8].

Антуан Берман утверждает, что перевод – это не простое посредничество, а процесс, в котором идет постоянное взаимодействие с «иным», «другим» или «чужим», его менталитетом, эстетикой, культурой, что связано не только с языковой или литературной перспективой, но и с антропологией и герменевтикой

[2; 3]. В таком случае нежелательным будет как безоглядное нивелирование «чужого» по образцу «своего» (это может означать культурный шовинизм, а также вести к неверному восприятию чужой культуры), так и безоглядное усвоение «чужого» в качестве «своего» (это может повлечь гибель собственной культуры).

В 1970-е гг. появилась теория скопоса (от гр. *skopos* – цель, задача). В переводоведении ее впервые предложил Ганс Вермеер. Его идеи позже развивали последователи, особенно Кристиана Норд. С точки зрения теории скопоса, перевод подразумевает создание текста в целевых условиях, с целевой задачей и для целевой аудитории. В рамках теории скопоса основным правилом, которым следует руководствоваться при любом переводе, является «правило скопоса». Благодаря этому правилу решается проблема таких противоположностей, как свободный и дословный перевод, доместикация и форенизация и т. д. Это значит, что скопос (цель) конкретного перевода может потребовать использование как доместикации или форенизации, так и любой стратегии, лежащей между этими двумя крайностями, выбор зависит от конкретной задачи переводчика. Однако это не означает, что хороший перевод должен в любом случае подстраиваться под культуру языка перевода или же отдаляться от нее, хотя именно в таком ключе теория часто понимается (цит. по: [9. С. 79]).

В заключение отметим, что вопрос доместикации и форенизации можно считать развитием долгое время существующего спора о свободном и дословном переводе, причем развитием в культурном и политическом, а не лингвистическом ракурсе. Поэтому вполне логично, что до сих пор этот вопрос освещался преимущественно с социальной, культурной и исторической точек зрения. Между тем, несомненно, лингвистический и лингвокультурный анализ переведенных текстов, в совокупности с филологическим анализом их содержательно-смысловой стороны, могут предоставить методологию исследования доместикации и форенизации. Так, количество иностранных заимствований в тексте может служить мерой того, к какой стратегии склонялся переводчик. Не менее существенными показателями являются трансформации синтаксических структур оригинала, его морфологических форм, стилистических особенностей и т. д. Избыточность этих трансформаций свидетельствует об активном применении технологии сглаживания,

свойственной доместикации, и наоборот, их небольшое количество – о стремлении к формально точному переводу, «сплошному калькированию», свойственному форенизации.

Особо важным аспектом при лингвокультурной оценке перевода можно считать отношение переводчика к реалиям: их сохранение и донесение до читателя в адекватной ориги-

налу форме (то есть переведенными транскрибированием, транслитерацией или калькированием), а также их экспликация (комментарии, сноски) свидетельствует об избрании форенизации, напротив, их опущение либо перевод «функциональными аналогами» в переводящем языке без лингвокультурных пояснений свидетельствует о доместикации.

Список литературы

1. Азов, А. Г. Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920-1960-е гг. / А. Г. Азов. – М.: Высш. шк. экономики, 2013. – 304 с.
2. Берман, А. Культура и перевод в романтической Германии / А. Берман // Логос. – 2011. – № 5–6 (84). – С. 92–113.
3. Грибановская, Е. С. Категории «свое» и «чужое» в философии и теории перевода / Е. С. Грибановская // XVIII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – М., 2011. – URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/2366281/>.
4. Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: ЧеРо, 1999. – 136 с.
5. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы / А. В. Федоров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. – 303 с.
6. Lefevere, A. Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame / A. Lefevere. – London, New York: Routledge, 1992. – 208 p.
7. Nida, E. Toward a science of translating / E. Nida. – Leiden, 1964. – 331 p.
8. Venuti, L. The Translator's Invisibility / L. Venuti. – London, New York: Routledge, 1995.
9. Yang, W. Brief Study on Domestication and Foreignization in Translation / W. Yang // Journal of Language Teaching and Research. – 2010. – Vol. 1, no. 1. – Pp. 77–80.

Сведения об авторах

Шелестюк Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета.
shelestiuk@yandex.ru

Гриценко Элина Дмитриевна – студентка 4 курса историко-филологического факультета Челябинского государственного университета.
elinal74@list.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386).
Philology Sciences. Issue 100. Pp. 202–207.*

FOREIGNIZATION / DOMESTICATION IN TRANSLATION AND THEIR LINGUISTIC EVALUATION

E. V. Shelestyuk

Chelyabinsk State University. shelestiuk@yandex.ru

E. D. Gritsenko

Chelyabinsk State University. elinal74@list.ru

The article provides an overview of the formation and development of two opposing trends in the translation: “domestication” and “foreignization” of the original. It concludes that there is a growing understanding of the need of foreignization of translation, i.e. of precise transmission of a foreign text, applying but few fluency techniques. We also briefly outline the possibilities of the linguistic evaluation

of the degree of domestication and foreignization.

Keywords: *domestication, foreignization, invisible/visible translator, dominant culture, the subordinate culture, linguocultural transfer analysis.*

References

1. Azov A.G. *Poverzhennyye bukvalisty: Iz istorii khudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920-1960-ye gody* [Defeated literalists: From the history of literary translation in the USSR in 1920-1960-ies]. Moscow, 2013. 304 p. (In Russ.).
2. Berman A. Kul'tura i perevod v romanticheskoy Germanii [Culture and translation in Romantic Germany]. *Logos*, 2011, no. 5–6 (84), pp. 92–113. (In Russ.).
3. Gribovskaya E.S. Kategorii «svoye» i «chuzhoye» v filosofii i teorii perevoda [Categories “own and “alien” in the philosophy and theory of translation]. *XVIII Mezhdunarodnaya konferentsiya studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Lomonosov»* [XVIII International conference of students, graduate students and young scientists “Lomonosov”]. Moscow, 2011. Available at: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/2366281/> (In Russ.).
4. Komissarov V.N. *Obshchaya teoriya perevoda* [General theory of translation]. Moscow, 1999. 136 p. (In Russ.).
5. Fedorov A.V. *Osnovy obshchey teorii perevoda: lingvisticheskiye problemy* [Fundamentals of general theory of translation: linguistic problems]. Moscow, 1983. 303 p. (In Russ.).
6. Lefevere A. *Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame*. London, New York, 1992. 208 p.
7. Nida E. *Toward a science of translating*. Leiden, 1964. 331 p.
8. Venuti L. *The Translator's Invisibility*. London, New York, 1995.
9. Yang W. Brief Study in Domestication and Foreignization in Translation. *Journal of Language Teaching and Research*, 2010, vol. 1, no. 1, pp. 77–80.